

Лос-Анджелес.
Собор Богородицы Ангелов.

Торонто.
Королевский музей Онтарио.

Торонто.
Художественная галерея Онтарио.

Сан-Диего.
Юбилей Института Солка.

Феликс Новиков

«По разным странам я бродил...»

Я долго был «невъездным». Жена хворала и не могла составить мне компанию, а я не мог оставить ее одну. А потом она оставила меня. Одиночество было непривычным и тягостным. Работа 10-го года закончена. «Модернизм», «Дело жизни» и «Между делом» «Татлин» издал. Новых планов не возникало. Пустота. Позвонил Владимир Белоголовский и выразил желание навестить меня. Я встретил его в аэропорту, а на другой день, благо погода улыбалась, мы отправились в Торонто посмотреть музеи Д.Либескинда и Ф.Гери. Последний хотел оставить след в родном городе. По поводу первого я был настроен скептически. И хотя десятью годами раньше по высшему классу оценил его берлинскую работу (экскурсия по пустому музею – еще без экспозиции – заняла полтора часа), полагал, что хранилищу художественных ценностей столь нервные формы ни к чему. Ошибся. Либескинд оказался убедительным. Особенно в интерьерах, в касаниях новых форм с плоскостями стен и пространствами музея, к которому пристроился мастер. А Гери разочаровал. Было приличное модернистское здание, которое, утратив свое лицо, обрело маску сомнительного свойства.

А лестница и прочие включения в интерьеры показались тяжеловесными и чуждыми. Судя по всему, маэстро тоже подвержен болезни, которую я называю «синдромом Баженова» – распространенному в нашей среде стремлению заменить работу предшественника своей собственной. Для Гери город мог бы подыскать более содержательную задачу. Друзья звали меня в разные концы страны. Между тем наступила настоящая зима, в которой Рочестеру положено два с половиной метра снега. И потому я охотно принял приглашение Ольги Тальковской, позвавшей меня из северо-восточного края Америки в самый дальний ее юго-западный угол, в Сан-Диего, где всегда тепло и солнечно, и зима немногим отлична от лета. Время моего визита совпало с каникулами ее сыновей (10, 8 и 5 лет), и потому все экскурсии мы проводили вместе. В уикенд к нам присоединялся глава семейства – Юрий Фридман, а подчас и бабушка. По указанной причине мне достались детские развлечения, а мальчики приобщились к моим профессиональным интересам. Расскажу лишь о последних. На мой взгляд, Сан-Диего демонстрирует собой высший класс градостроительства. В чем он

заключается? По-моему, прежде всего в природных обстоятельствах. Здесь они почти райские. Во-первых, климат, во-вторых, естественная среда – океан, живописная холмистая местность, богатство флоры, комфортабельные пляжи и, наконец, недалёкий горнолыжный курорт. Что еще надо? Между прочим, история – тоже градостроительный фактор. Она оставила тут свои привлекательные черты. Ну, а дальше, как и повсюду – инфраструктура. Великолепные, осмысленно трассированные дороги, открывают панорамные виды. Многим улицам сопутствуют велосипедные дорожки, а хайвеям – привилегированная левая полоса для машин, в которых пассажиров более одного, что способствует меньшей плотности движения. Даунтаун, как и положено, с множеством небоскребов, а прочая застройка, наследуя традиции мексиканского прошлого этой земли, отличается разноцветием, штукатурными плоскостями стен, черепичными кровлями, в соседстве с которыми отлично уживаются ультрасовременные виллы. Здесь вдосталь всего, что требуется для содержательного времяпрепровождения, и потому не иссякают потоки туристов, а город, бурно развивавшийся в последнее десятилетие, не сомневается

Сан-Диего.
Фрагмент комплекса института.

Лос-Анджелес.
Концертный зал.

Лос-Анджелес.
«Интерьер виолончели».

Лос-Анджелес.
Музей Гетти.

Гарден Гров.
Интерьер Собора.

Лос-Анджелес.
«Девятка» школы № 9.

в благополучии своего будущего. Профессиональный эксклюзив – биологический институт Солка – на мой взгляд высшее достижение Л.Кана. Говоря об этой работе, он цитирует установку самого Солка: «Я хотел бы пригласить в свою лабораторию Пикассо – иначе ученые становятся техниками в биологии. Наука должна служить искусству, так как она находит то, что существует, в то время как искусство создает то, чего не было до него». Комплекс, стоящий на краю каньона и открывающий вид на океанские просторы, обогащенный террасным построением всей композиции и ее внутренних дворов, отличен еще и контрастом суровых бетонных форм и теплотой облицовки тиком фасадных стен кабинетов, где мастер, как он сам говорил, «стремился создать атмосферу интимности и уюта, которую символизируют ковры и прокуренные трубки». Любопытно, что пространство, открытое к океану, живет содержательной жизнью. Здесь устраиваются корпоративные партии и концерты, а 50-летний юбилей института послужил поводом для памятной фотографии, собравшей всех его сотрудников. И еще одно интересное наблюдение: здания, встречающиеся вблизи этого объекта и построенные после него, сделаны другими авторами в строгих формах. Соседство с шедевром обязывает. В Лос-Анджелесе Гери предстал неотразимым.

Walt Disney Concert Hall хорош во всех проекциях, а собственно зал подобен интерьеру гигантской виолончели. Тут по соседству столпились творения других почтенных мастеров. Собор Богородицы Ангелов Р.Моно, отличающийся несколько агрессивным фасадом и пространственным богатством интерьера, и оставивший меня равнодушным музей А.Исодзаки, и, увы, закрытая по причине тех же каникул школа В.Прикса со своей экстравагантной девяткой, издали маячившей над хайвеем. Неким разочарованием стал комплекс музея Гетти. Как если бы зодчему дали возможность построить Акрополь, а он – Р.Мейер – сделал нечто на четыре с плюсом. Зато Crystal Cathedral Ф.Джонсона в Гарден Гров с огромным молебельным залом под стеклянным сводом был великолепен спустя 30 лет после введения. Однако сама эта идея принадлежит не автору, а пастору Роберту Шуллеру, которому был представлен эскиз храма с крестообразным планом и кирпичными стенами. Он сказал: «Я ожидал от вас нечто великое, а вы предлагаете мне заурадную церковь. Но я не традиционалист. Это Калифорния. Люди здесь не пойдут в зал, подобный закрытому ящику. Они хотят быть ближе к зелени, воде и солнцу». По-моему, две стеклянные работы мастера – дом и собор – главное в его наследии. Вернувшись из Сан-Диего, я почувствовал, что

и этот вояж не утолил моей «охоты к перемене мест», и тогда у меня возник новый план. Я решил, что должен посетить Баку, в котором родился, и Тбилиси, в котором провел раннее детство. И хотя из Баку меня увезли в Тифлис трехлетним, я бывал там с тех пор многократно. Там жили шесть моих двоюродных сестер и братьев с женами и прочими домочадцами. Семеро из них были архитекторами. Там у меня есть давний друг Расим Алиев, бывший многие годы главным архитектором города. С ним мы сотрудничали, проектируя курортные объекты Прикаспия, которые ослабевшая в конце 1980-х советская власть не сумела построить. С ним путешествовали по Азербайджану, встречались по разным поводам в разных концах Союза и мира, с ним выбирали участок для бюста-памятника трижды Герою Соцтруда Б.Л.Ванникову – единственный мой проект, реализованный в Баку в содружестве со скульптором Народицким. Что же касается Тифлиса, то у меня есть вырезка из газеты «Тифлисский рабочий» 1933 года, где под портретом отца общается о назначении А.Л.Новикова 1-м заместителем председателя Тифсовета. Детскую память о городе я сохранил и не однажды бывал в нем, общаясь с коллегами и друзьями, которых надеялся встретить и на этот раз. В Баку я не был 20 лет, в Тбилиси – 23. Своим планом я поделился с Расимом, настоя-

Баку.
Гостиница «Апшерон».

Баку.
Отель «Марриот».

Баку.
«Классицизация» модернизма.

чиво звавшим меня в отеческий город. Одобрав его, он сказал, что экскурс в Тбилиси ему тоже интересен, что прямых рейсов из Нью-Йорка в Баку нет, и значит, я лечу через Париж, где живет со своим мужем еще одна моя двоюродная сестра. Ну, а вернуться можно через Вену, где я был 53 года назад, совершая свой первый зарубежный тур в Италию вместе с коллегами из мастерской И.Жолтовского – один день по дороге туда и один обратно. В Вене я встречу своего друга скульптора Вадима Космачева – того, что поставил композицию «Парфия» подле библиотеки в Ашхабаде и сделал фонтаны для моего посольства в Мавритании. К тому же, как выяснилось, Вена не чужда и Расиму, и туда мы тоже отправимся вместе. Я не стану рассказывать о Париже, музее Ж.Нувеля и прочих новинках города, в котором бывали если не все, то большинство читателей «АВ». Скажу только, что с некоторой ностальгией посетил единственную здешнюю постройку кумира творческой юности О.Нимейера – здание ЦК компартии Франции, которое миновал трижды, побывав в этом городе в советские времена. Должно быть, полагая, что оно там недоступно так же, как и в отечестве. Увидел чертежи и макеты, крупное фото эскиза с подписью маэстро и само сооружение, постаревшее, но не утратившее подлинности.

В Баку меня ждала обширная программа. Я смотрел на город с высоты нагорного парка, с террасы ресторана телебашни и с палубы прогулочной яхты. Пешие прогулки по приморскому бульвару и экскурс по старому городу чередовались с осмотром новейших строений, появившихся в разных его районах. Встреча с председателем Государственного комитета по градостроительству и архитектуре (есть такой в стране) господином Аббасом Алекперовым, знакомство с чертежами генплана и макетами, беседа о будущем города и его проблемах были весьма интересны. Узнал ли я Баку? И да, и нет. Да, потому что увидел знакомые древние памятники – Девичью башню, крепостные стены и Дворец Ширваншахов, и даже дом позапрошлого века, в котором мне суждено было родиться. Увидел любезный моему вкусу Дом Правительства Л.Руднева и жилые дома М.Усейнова. Замечу, что сталинская архитектура по прошествии многих десятилетий выглядит здесь вполне достойно. И, вместе с тем, я увидел незнакомые черты столицы Азербайджана. Сегодня она переживает второй созидательный бум, несравненно более мощный, чем первый, случившийся во второй половине XIX века, также подпитываемый нефтяным богатством земли и моря. Оно зримо выражается в амби-

циозных постройках, во всем состоянии городской среды. И как оно водится в подобных обстоятельствах, в ней есть и потери, и обречения. Исчезла гостиница «Интурист» А.Щусева, на месте которой возникло невыразительное нечто – и это не единственный утраченный памятник конструктивизма. Снесены гостиницы «Азербайджан» и «Апшерон» Усейнова, и на их месте, фланкируя Дом Правительства, встали зарубежные изделия – «Хилтон» и «Марриот», по форме, материалам и цвету вступившие в противоречие с центральным объемом комплекса и заслонившие его в традиционных панорамных видах Баку. Стремление украсить город нашло свое выражение в нарочитом декоративном убранстве наследства 1960-х и 1970-х годов. Здесь очевидны две крайности. В одном случае фасад оформляется «классическими» деталями, превращаясь в чучело сталинской архитектуры, а в другом – одевается цветным стеклом, через которое обитатели дома видят мир соответственно окрашенным. Полагаю, что все эти издержки есть следствие неподготовленности города, заказчиков, да и самих архитекторов к динамике преобразований. Но дело не только в этом. Глядя на некоторые фрагменты застройки, помня снесенные в строительном угаре ценные строения, дос-

Баку.
Гостиница «Азербайджан».

Баку.
Отель «Хилтон».

Баку.
Дом Правительства.

Баку.
«Модернизация» модернизма.

Баку.
Монолитный дом.
1975 г.

Баку.
Монолитный дом. 2011 г.

Баку.
Проект Центра Гейдара Алиева.

Баку.
Комплекс зданий «Огни Баку».

Баку.
Проект «Белого города». Ночной вид.

Баку.
Проект «Белого города». Концертный зал.

тошные статуса памятников, приходишь к заключению, что в этих случаях главным архитектором города был Его Величество Манат – денежная единица, примерно равная евро. Но ведь и Москва страдала этой болезнью. И теперь в ряде случаев бакинские власти принимают решения о сносе некоторых неуместных зданий – подчас даже многоэтажных. Однажды мне встретилось мудрое утверждение Энгельса, относящееся к истории, которое я перефразировал применительно к градостроительству. В этом варианте оно звучит так: «Город складывается как сумма усилий противоречивых воль, в результате действия которых получается то, чего никто не хотел». Но лучший монолитный жилой дом советских времен, построенный по проекту А.Белокопья на Тбилисском шоссе, украсили «в хвост и в гриву», согласно единой коллективной воле сами его обитатели, как полагаю, без разрешения властей. Возможно квартиры они приватизировали – это их владения, но фасад приватизации не подлежит. Он – собственность всех бакинцев. Надо было сломать первый плод самостоятельности, вслед за ней второй, и тогда никто больше не позволил себе подобное. И я не могу не сказать о неуместности приобретенных по случаю китайских фонтанов, появившихся в городских скверах, при том, что один из них, стоит перед зданием Академии наук, капители колонн которого позолочены в целях цветового единства. Однако есть и бесспорные обретения. Это

прежде всего новый масштаб застройки. И хотя в этом деле есть очевидные ошибки, без него город не мог бы развиваться. Скажу и то, что привлечение зарубежных архитекторов далеко не в каждом случае обеспечивало высокий класс проектного решения. Однако строящийся по проекту З.Хадид Культурный центр Гейдара Алиева может стать новой достопримечательностью Баку. Сегодня на всех бакинских панорамах доминирует стоящий на верхней отметке окружающего бухту амфитеатра «треугольник» высотной композиции. Комплекс из трех изгибающихся строений зовется «Огни Баку» и, изображая собой языки пламени, претендует на то, чтобы стать символом города. Можно представить себе эффектное освещение трех стволов в ночное время, но ее автор – Р.Смит – еще не завершил свою работу, и суждение о ней было бы преждевременным. Проектирование нового района столицы, названного «Белый город», который встанет на месте старого, известного под именем «Черный», ведется при консультации британской компании Atkins, где наряду с азербайджанскими проектантами работает компания Н.Фостера и американское бюро F + A Architects. Это содружество способно дать должный результат. Проектируемое развитие приморского бульвара вдоль сторон бакинской бухты, занятых прежде портовыми и промышленными объектами, станет благом для города, и новые комплексы, возводимые меж зелеными насаждениями, наполнят содержательной культурной жизнью его главное

пространство отдыха. В мастерской Валерия Мамедова я видел эскизы первых кварталов нового городского образования на 350 тыс. жителей, с которых уже в этом году начнется строительство, располагаемое на намывных грунтах. И это еще одно подтверждение содержательной перспективы архитектуры Азербайджана. Здесь, пожалуй, еще острее, чем в Москве, стоит транспортная проблема. Баку отличается не меньшей плотностью движения и не меньшим процентом дорогих иномарок. И хотя отличные просторные дороги построены на вылетных магистралях города, езда в его старой центральной части затруднена настолько, что в броуновском движении пересекающихся потоков кажется, что машины изгибаются, дабы не коснуться соседнего экипажа. И при том что в старой части города есть кварталы, подлежащие реконструкции, позволяющей облегчить ситуацию, честно сказать, я не знаю, как решить эту проблему там, где присутствует историческая застройка. Разве что по-лондонски. Мой друг Расим сопровождал меня во всех акциях программы, и иногда к нам присоединялись его ученики. Эльчин Алиев (однофамилец), 43-летний архитектор и исследователь, помимо прочего построивший в Баку католическую церковь и выполнивший тщательную реставрацию православного храма города. Он создал замечательное трехтомное издание, содержащее в себе им же исполненную коллекцию

Мцхета. Джвари.
Рисунок автора. 1948 г.

Тбилиси.
Здание ИМЭЛ.

Тбилиси.
Проект отеля «Кемпински».

Тбилиси.
Гостиница «Иверия».

Тбилиси.
Отель «Радиссон».

Тбилиси.
Резиденция Президента.

фотографий деталей зданий старого Баку. Он еще и общественный деятель, пригласивший меня в принадлежащее ему кафе «Кишмиш», где с молодыми архитекторами велась беседа о лаврах и терниях профессии, в которой Расим принял живое участие. В конце я задал ему вопрос: «Стал ли бы он архитектором, если бы ему досталась вторая жизнь?». Расим задумался. Мой ответ прозвучал прежде: «Я, да!» Аудитория ответила аплодисментами. Была встреча и с будущими архитекторами. В инженерно-строительном университете я познакомился с его ректором Гюльчохры Мамедовой – одной из двадцати женщин – депутатов Милли Маджлиса. В беседе со студентами разговор шел на русском, который, очевидно, не забыт в этой независимой стране. В Академии художеств студенческие работы живописцев, графиков, скульпторов и архитекторов показывал мне ее основатель и ректор, давно мне знакомый Омар Эльдаров, автор многих бакинских монументов и скульптурных композиций, стоящих на аллеях главного мемориального парка страны. Вторым спутником бакинских программ был молодой 26-летний ученик Расима Ильгар Ахмедзаде, помогающий творческой работе учителя и проектирующий множество интерьеров, в которых он успешно взаимодействует с разновкусием клиентов. Вчетвером, в качестве делегации Азербайджана, мы полетели на пару дней в Тбилиси. Столица Грузии встретила нас хмурым погодой,

дождем, конца которому не предвиделось. Но от предложения посетить Мцхету отказаться было невозможно. Конечно, я бывал там не однажды и сохранил рисунок Джвари, сделанный в 48-м, когда, подзаработав на практике в Злаутуосте, совершил поездку по Грузии и Армении. Однако в каждом прежнем посещении древние храмы – Светицховели – и тот, что изображен на рисунке, стояли пустыми. Теперь же, в предпасхальные дни, они были полны прихожан. Все, что содержалось в пространствах храмов – их убранство, люди, звуки, мерцание сотен свечей, запах – создавало незабываемое состояние, несравнимое с прежними впечатлениями. Спасибо грузинским друзьям за этот подарок. Второй день выдался теплым и солнечным. В обществе тбилисских коллег мы осматривали город с высоты Мтацминды, видели его с зенитных точек вращения колеса обозрения, поднимались на цитадель, осматривали древние и новые постройки, притом что число последних здесь поменьше, чем в Баку. Драматическая постсоветская судьба страны и ее столицы наша свое выражение и в созидательном процессе. Однако сегодня Тбилиси, сохраняя свои древние реликвии, как и Баку, демонстрирует достоинства сталинского архитектурного наследия и, вместе с тем, обретает новые черты. Так встал в силуэте города новый Кафедральный Собор Святой Троицы, построенный при президентстве Шеварднадзе. Однако и здесь есть досадные потери.

Как и в Баку, в Тбилиси тоже не повезло А.Щусеву. За фасадом его здания ИМЭЛ традиционалист К.Кол взгромоздит массив отеля «Кемпински», который придаст памятнику иные очертания силуэта и исказит, тем самым, проспект Руставели. Гостиница «Иверия» Отара Каландаришвили, бывшая одним из лучших модернистских зданий Грузии, «одевшись» стеклом и назвавшись «Радиссон», стала чуждым городу объектом. Здесь по-своему складывается противостояние старого и нового, при том что всяческие новации активно поддерживаются властью, и иностранным мастерам отдается явное предпочтение. Так, здание резиденции Президента, начатое грузинским зодчим, впоследствии отстраненным, было завершено зарубежным автором и стало местной вариацией на тему Капитолия штатного масштаба. Тбилисские коллеги жалуются на забвение национальных традиций. Конечно, они не обнаруживаются в изгибающихся остекленных поверхностях здания МВД М. де Луча, стоящем вдали от древних строений. Но формы стеклянного пешеходного «Моста мира», названного так тем же автором и перекинутого через Мквари (грузинское имя реки Курь), с некоторых точек накладываются на виды старого города и никак с ними не гармонируют. А за мостом, близ президентской резиденции уже ведется строительство Театра современной музыки по проекту М.Фуксаса, который, как говорят, взялся за этот заказ, даже не удосужившись побывать в Тби-

Тбилиси.
Открытие здания МВД. Парад полиции.

Тбилиси.
Мост мира.

Тбилиси.
Проект театра современной музыки.

лиси. Впрочем, известны конкурсные победы проектов, присланных из дальних стран, авторы коих опирались лишь на исходную документацию. И хотя на эскизах Фуксаса мост отсутствует, с ним у этой постройки противоречий не возникнет.

Вообще-то я полагаю, что всякое оригинальное сооружение независимо от происхождения автора становится со временем частью национального архитектурного достояния. Принадлежность постройки определяется землей, на которой она покоится. Мы ведь не исключаем из числа российских архитектурных реликвий постройки Фиораванти, Растрелли или Монферрана. Эти мастера были предвестниками нынешней глобализации. И кто знает, если бы Кваренги располагал современными транспортными средствами, возможно, и он залетал бы в Россию и куда-нибудь еще с той же прытью, с какой это делают Фостер и Хадид. Говорят, будто те зодчие жили в России, заводили семьи, плодили детей – оттого и творили в должном духе. Но ведь Фальконе покинул Россию, так и не увидев завершенным своего «Медного всадника», но это не значит, что мы должны исключить сей монумент из истории отечественного искусства. Думаю, и в те времена российские мастера сетовали на предпочтение, отдаваемое имперской властью иностранцам. Есть тому свидетельства в истории строительства Исаакиевского собора.

Тбилиси всегда был городом каменных стен. Но разве Москва не была такой же? Теперь в них вторгаются стены стеклянные. Это новые технологии – сами по себе они внеаци-

Над крышами Вены.

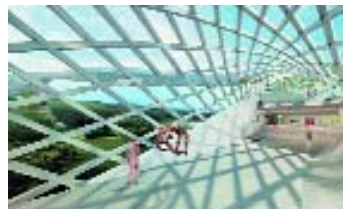

Тбилиси.
Вид речного фасада.

ональны. Однако новаторская форма способна ассимилироваться в исторической среде, и тому есть множество примеров. Весь вопрос в том, как она сделана. Я никак не могу согласиться с утверждением уважаемого академика, сказавшего о Москве: «С фундаментальной идеей возможности существования абсолютно нового в городе необходимо бороться». Полагаю, что идеологи отрицания новой архитектуры и пропагандисты классических форм не привлекут на свою сторону заметное большинство мирового профессионального сообщества. Разве, что воскресший Сталин возглавит Всемирное Правительство. Я крайне скептически отношусь к провозглашенным установкам нового мэра Москвы. Чем-то они подобны политике, 20 лет проводимой в столице приснопамятным В.В.Гришиным. А чем она кончилась? Как и всякое воздержание, своей бурной противоположностью, издержки которой очевидны. Убежден, что подобный запретительный абсолют городу и его центру вреден. Но каждая конкретная площадка требует должного подхода – и в каких-то обстоятельствах решительного. Как это, к примеру, случилось с проектом здания Геликон-оперы.

Что же касается иностранного участия, скажу, что мы живем теперь в открытом мире, диктующем свои нормы поведения. И должно быть, лучшей формой взаимодействия пришлых и местных творческих сил является та, в которой вместе с достижением профессиональных целей каждая сторона обретает полезный опыт. По утверждению Геннадия Сироты, именно так

Кто во что горазд.

Тбилиси.
Фрагмент интерьера театра.

оно сложилось на стройке московского Сити, и, по-видимому, так же сложится в процессе реализации проекта «Белый город» в Баку. Любопытно, что, вернувшись, я прочел в одном из апрельских номеров «THE NEW YORKER» сообщение о встрече Президента Саакашвили с Дональдом Трампом, состоявшейся в атриуме Нью-Йоркской Trump Tower, где они оба объявили о предстоящем строительстве новых зданий – в Тбилиси и Батуми, которые станут самыми высокими в стране. Значит, повод для сотрудничества представится.

А потом была Вена – город без комплексов. В его пространствах имперские фасады отлично уживаются с ультрамодными, и даже озорные фантазии Хундертвассера оказываются уместными. Вена сохраняет все слои своей архитектурной истории.

И еще одно впечатление. Оно было последним. Мы поднялись на 18-й этаж нового отеля, завершенного Ж.Нувелем в конце 10-го года. Классная работа, мастерски исполненная во всех деталях, где на самом верху расположено кафе. Отсюда открывается великолепная панорама Вены. При этом бросается в глаза любопытное явление ее пятого фасада, где случайно расположившиеся на кровлях зданий пентхаузы и мансарды создают пластику опущенных озелененных дворики, приподнятых над кровлей объемов, многосложное сочетание глухих и остекленных плоскостей.

И это качество города весьма привлекательно.

Фото В.Белоголовского, О.Тальковской, Э.Алиева, В.Тавровского и др.

Показать лучшее, что есть в собственной стране и при этом угадать, что может понравиться в другой – дело непростое. Тем не менее, испанским дизайнерам, приехавшим в Москву на Фестиваль Испанского дизайна, это удалось. Все новинки Барселоны, Валенсии и Мадрида были представлены в конце мая в комплексе «Легенда Цветного»

Дизайн теперь не просто инструмент по улучшению внешнего вида и качества жизни. Дизайн оказывается в современном обществе одним из основных инструментов приспособления к новым условиям цифрового века. Однако для того, чтобы внедрить новую технологию, нужно сделать ее похожей на традиционные вещи. Так рождаются гибриды природных форм и светодиодов, новейшего волокна и старинных техник плетения, привычных цветов и непривычных форм